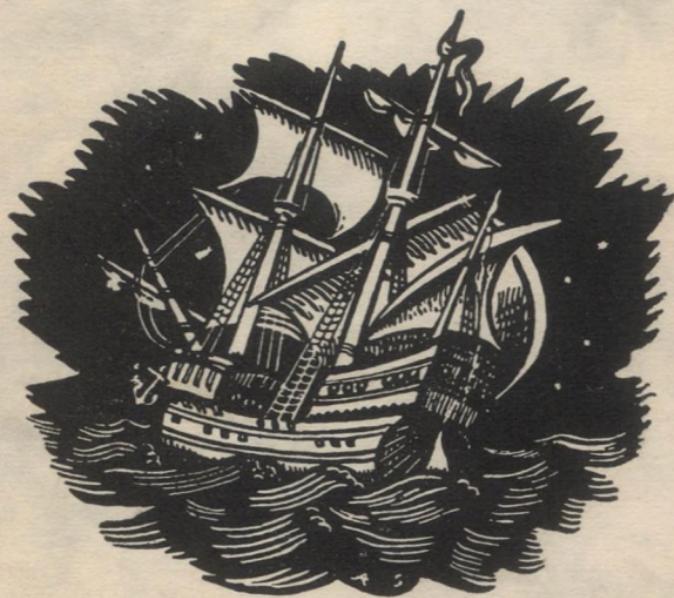

ЛОЛЛИЙ ЛЬВОВ

СТРАНСТВИЯ

1938—1957

МЮНХЕН

1958

ЛОЛЛИЙ ЛЬВОВ

СТРАНСТВИЯ

1938—1957

МЮНХЕН
1958

Обложка работы художника
Александра Серебрякова
Париж (1938).

Напечатано в количестве 100 экземпляров.
В продажу не поступает.

У СЕВЕРНОГО МОРЯ

Что это? Призрак реющий свобод
Зовет меня покинуть материк
И в буйной прихоти разгульных вод
Все манит в даль, твердит:
 — Зачем затих?
К чему тебе нежданный сей покой?
Ты слышишь ли? — протяжный ветра крик
Зовет тебя в скитанья за собой...
Оставь приют убогих рыбаков
И сети мирной ловли позабудь:
Не для тебя покой и утлый кров —
На дне морском отрадней отдохнуть,
Отрадней там лежать средь бездны вод,
Чем здесь, в земле, когда последний вздох,
Вдруг разорвав размеренность стихов,
Окончит нескончаемый твой путь!

Близ Вильгельмсгафена (Германия)
Август, 1950

ПОСЛЕДНИЙ ПАРИЖСКИЙ КОНЦЕРТ РАХМАНИНОВА

Да, стоит жить, когда так лес шумит
Таинственно и трепетно и властно,
Промчались эти годы не напрасно,
Раз песня и теперь еще звучит.
С улыбкою, задумчивый и строгий,
Ты смотришь вдаль — в мечты края,
Забудь, забудь наш жребий, путь жестокий,
Да царствует одна мечта твоя!
Умчись же к небу Апассионаты,
Не устрашись и бездны! Данте... Ад...
Франческо и Паоло... И сонаты
Сверкает нам алмазный водопад!
Ты слышишь громов гнев и рокот.
Проносятся зарницы... Молний взлет...
Смири, смири унынья гулкий ропот,
И вот он — легкой нежности полет!
А в миг иной — в раздумья светел, чист,
Летучего Голландца слышишь ритмы,
И песня вечной прялки — Вагнер-Лист
Звенит в затишье после долгой битвы.

Париж.
1939.

НА ДЯГИЛЕВСКОЙ ВЫСТАВКЕ В ЛУВРЕ

Перед занавесом Пикассо для балета «Парад»

Крылатый конь... и лестница до неба!
Ребенок — Ангел с трепетной мечтой.
Пегас недвижен... Аполлона-Феба
Тот Ангел манил бледною рукой.
Пирийте-же, Пьерро и Коломбина,
И из бокалов лейте пьяное вино,
За здравие, во славу Арлекина
Кипит, шумит, безумствует оно!
Матрос!.. Испанец с вечною гитарой,
Ты слышишь пенье звонких струн?
О, Дягилев, каскадом — Ниагарой
Твой путь шумел под сенью стольких лун!
Позвал Сати и дерзкого Пикассо,
И вот гремят теперь мечты парад —
Под громы барабанов, рокот контрабаса
Склонился негр и шепчет: «как я рад...»
И только небо синее, на призрачном баллоне,
И звезды дремлют там в углу,
Да мирный пес о бешеном циклоне
Не слышит — спит: он глух к добру и злу...

.....
Но я один здесь... И тускнеют дали...
Ах, этот шумный, праздничный парад!
Нет, — не развеет он моей печали,
Грустя, пусть тщетно всё твержу:
— «Я рад...»

Париж.
Май 1939.

НА СМЕРТЬ БОРИСА ГРИГОРЬЕВА

И стихло небо. Звезды стали.
Твой стон последний отлетел.
Они в безмолвии взирали
На жизни горестный предел,
С холста безумца-чужестранца,
За скучной трапезой юнцы —
Семья каких-то итальянцев —
Та мать и смуглые птенцы...
Всю жизнь ты был бесстрашен, дерзок,
Сверкал мятежный карандаш,
Сжигал ты жизнь, и жизни слепок,
Ты грезил — вечности предашь.
И вот они в оцепененьи,
Недвижен ты, — вокруг всё прах!
Цветы твои, и те в смятеньи:
Пропал в стенах здесь смертный страх...
Осених дней поникли астры,
В тоске весенних дней герань —
В иные дни мятеж твой часто
Им приносил в искусстве дань...
Прости, прости! Мы вместе плачем,
Твой друг-жена и юный сын,
Ах, я свидетель нездачный,
Вошел с мечтой, как пилигримм,
И утро бледное в бессильи
Простерло саван над тобой —
Недвижной маскою застыли
Черты твои... Немой, немой!

Cagnes sur Mer (Франция)

8 февраля 1939

ЧИТАЯ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ

ПРИГЛАШЕНИЕ

Здесь один я... Живу беззаботней весны.
Дни и ночи витают в стихах моих сны.
Приходите-ж! Мой дом здесь в затишье. Смелее!
Вы пройдете по темной, тенистой аллее
Там, где стелется осени листьев ковер...
Запустенье? Унынье? Печален мой взор?
Но, быть может, для вашей забавы на счастье
С моря чаек крылатых пригонит ненастье.
Вы мне скажете: «вздор», и что скучен обед...
Да, он прост, но и дёшев, сокровищ здесь нет,
Но поверьте мне: сладостей целые горы
Нам сулят и за скучной едой разговоры...
Приходите-ж! Я жду вас... Спускайтесь ко мне,
Днем-ли, ночью-ль и в явь или во сне,
И давайте скорее душистый в похмелье
Выпьем крепкий напиток во славу безделья!

Париж, 1938.

ЧИТАЯ МЕРИКЕ († 1875)

Denk'es, o Seele...

Елочка где зеленеет,
знает ли кто? — там в лесу,
В розах весь куст розовеет,
Скажешь ты: в том же саду...
И над могилою оба —
Помни, душа, и смирись! —
Для изголовия гроба
Там твоего вознеслись.

Две вороные лошадки
Здесь на лужайке пасутся —
В город, резвясь, без оглядки
К стоилу мигом вернутся.
Медленным шагом, уставши,
После мой гроб повезут
Раньше, быть может, о раньше,
Чем их подковы спадут
Те, что сверкнули сегодня
В беге звения предо мной!

Париж.
1939.

ОСЕНЬ В ПАРКЕ СЭН КЛУ

1.

Да, здравствуй осень! Как чудесно в парке
Среди деревьев, знавших солнца ласку,
Узнавших ветров бури в непогоду!
Их листья — золото и бронза. И ветвей,
Раскинутых и в ширь, и в высь, узор,
Трава, припавшая к земле в истоме, —
Все, все вокруг подернуто туманом.

Туман редеет. Скоро покрывало
Его спадет, и улыбнется снова,
Быть может, утро нам с былым приветом.
И птицы редкие со мной... Щебечут:
Все вспоминают песню той весны...
И белка средь опавших мертвых листьев
Уж распушила свой чудесный хвост.

2.

Здесь над каскадами замолкших вод
Нас полным кругом обступили боги:
Юнона и Церера, сам Зевес,
Нептун косматый, как всегда с трезубцем,
А на колонах львы с подъятой лапой
Над каменным шаром или змеей...
Все сторожат они наш день осенний.
В фонтанах золото и серебро:
Блестящая там рыб игра... Диана
С ланью робкой и Тезей...

Задумчиво стоят в осенний вечер,
Чуть позлащенные заката солнцем.
А утром все туманы здесь толпились,
Богов скрывая лица пеленою.
И я смотрю опять на эту группу
И вижу: он-она, то брат-сестра
Или влюбленная чета, ступают
Замедленно, страшась нарушить строй
И ритм царящей в парке типины.
Остановилась жизнь... И даже грусть
Моя меня уж не уносит в даль!

3.

И ты пришел опять, затихший, первый
Ноябрьский день — день всех святых.
Садов осенних пышный цвет последний,
Могилам незабытым дань живущих
Еще людей — венки и хризантемы,
Над гробовой плитой поклон смятенный,
Смятенных чувств и дум земной привет.
Вчера всю ночь томила буря. Ветер
Осенний плакал и сулил невзгоды.
Там, в море, безнадежно погибали
Те, кто застигнут был нежданным штурмом,
А здесь, под крышей, под защитой стен,
Мой друг, вздохнув, в последний раз простился
С неверной и обманчивой землей.
Сегодня там он, в небе — там, далеко,
Над звездами, у Бога, в царстве мысли
Чистейшей, непорочной... Неустанно
Взирает на меня он всякий час,

**Все дни и ночи с тихим сожаленьем
О жребии, что вышал нам на долю
Здесь на заманчивых путях земли...**

4.

**Далекий с неба звон зовет к раздумью.
На небесах сиянье синевы
Вдруг разорвало пелену туманов,
И птиц услышали мы перекличку —
Напоминание о былой весне,
О лете, что промчалось, зеленея,
Как вихрь — о молодых, былых годах.
Повремени! И встрепенулся ветер,
И всколыхнул воспоминаний тени,
И листьев закружился хоровод
Здесь вокруг фонтанов, засиявших снова.
То жизни плеск, мечты очарованье —
Забудь, забудь... — ведь листья те мертвы!
Далекий тихий замер звон. Молитву
Мы повторили, вспомнив все, что было,
И отдыха довольно! В путь-дорогу дальше!
Вновь путь пред нами здесь открыт и прям.
Не медли! На последнем перевале,
Как прежде, мы пойдем без колебаний,
Не устрашаясь, вдаль все за мечтой вперед.**

5.

**Коварна и изменчива ты, осень!
Бесцветною, мягкой пеленою
Объято небо все... Несутся
Чредою облака, как стадо**

Слепых и обреченных смерти птиц.
Просвета уж не ждем. Под темным небом
Во власти мы ветров — угрюмой непогоды.
Закрой глаза! и пожелай расстаться
С землей, повитой саваном печали!
Жалеть ли будешь ты, что здесь оставил
Богатство — груды облетевших листьев,
Воспоминаний давних легкий груз,
Воспоминаний милых аромат?

Париж.
Октябрь-ноябрь 1940.

ЭПИЛОГ

... Цветы мне зимние волшебно
Всё шепчут здесь: «Не изменяйся, нет!
«Пусть и хрусталь... Мы-ж не увяли,
«Хотя и срезаны чужой рукой,
«Благословив судьбу, сказали,
«Что в поздний час останемся с тобой,
«И просверкнет тебе воспоминанье
«О милом взоре на земном пути,
«Я радостно уйдешь ты на свиданье
«Не здесь, так там, откуда не уйти!»

Штарнбергское озеро,
16 декабря 1956.

ПАРИЖ — НАГРУЖЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Из Шарля Пэги († 1914)

Не одна — две мачты... Наш корабль у Сены.
Пурпур, золото... здесь мирра и корица...
Праведность души вся... Злаки, рожь, пшеница...
Униженье, гордость, груз простой вервены...

Наш корабль грузили предки неизменно
Все тысячелетья, чтоб ему носиться
По волнам на веслах, на борты крениться
С полным трюмом груза, с грузом полноценным.

Мы-ж несем сурово только сожаленья...
Полны чувства чести... Пламенеют лица...
Капитан прикажет: наши все моленья
Вверх взлетят на мачту, где хоругвь, как птица.

Оснащен корабль наш в времена Севэра,
Здесь у ног Небесной Матери Царицы...

Версаль. Август 1943.

ИЗ БУРГУНДСКИХ СОНЕТОВ

ФОНТАНУ В БЮССИ

Ты пережил века, источник чистой влаги
И в камни заключен веков иной рукой,
На перекрестке, здесь, струею ключевой
Твердишь ты путнику о жизни высшем благе.

Усталому вернешь ты мысли об отваге,
И торопливому промолвишь слово: «стой!»,
Гулящей же душе, беспечной и пустой,
Водой прозрачною напомнишь и о браге.

Но колокольня здесь взнеслася над тобою,
И звон с нее века не молкнет, Божий зов,
И птицы-голуби слетаются порою

К фонтану древнему под этот Божий кров,
И разлетаются, омывшись здесь, с благою
Святою вестью в даль — в чреде слепых веков.

ДЕВОЧКЕ С КОЗОЮ

Как куст цветущих роз, ты девочка! С козою
Гуляешь все в полях, загаром облита.
Златоволосая! Мне мнишься ты, мечта,
Видением надежд пред тению седою.

Подружку белую с трясучей бородою
Пасешь все дни в полях ты в летние утра,
Вечернею порой ведешь ее всегда
На длинном постремке уверенной рукою.

**Она кормилица, забота дней твоих!
От молока ее — твой маков цвет-румянец,
А козий белый сыр... Бургундец, итальянец**

**Не устоит пред ним — вслед, выпьет за троих!
Ты подсказала мне, пастушка, русский стих,
И вот сложил сонет тебя я, чужестранец.**

КОРШУНУ

**Перо твое вчера я, коршун, подобрал.
На белом поле кровь и ржавые следы!
Кружился долго ты... В полях цвели цветы —
Лишь жертву на земле, о, хищник, ты искал!**

**Трепéща крыльями, все дни не уставал,
Дивя видением свирепой красоты,
И солнцем позлащен, жестокости мечты
На жатву сеял — в воздухе стоял.**

**Перо упало вниз... Оно мое теперь.
Теперь орудием здесь станет для поэта.
Я очиню его и голубого цвета**

**Им строки начерчу... И мирен станет зверь,
Вняв благости в стихах поющего сонета:
Я грешник, для тебя — открою к Небу дверь!**

ТИШИНА

Какая типина! И тополя недвижны.
Трепещут листья чуть... Сверкает серебро.
Лазурь, лазурь вокруг! Здесь ястреба перо
Упавшее одно напомнит призрак тризны.

Но горе там, вдали... Покоя здесь отчизна!
И ласточек полет в полях здесь лишь добро
Сулит усталым нам. Забыли мы про зло,
Не шепчем больше слов ненужной укоризны.

Последнее прости твердит сентябрь. Природа
С улыбкой дарит нам закатный тихий час.
Воспоминания проносятся свободно,

Так мирно, может быть, уже в последний раз.
Мы в мыслях высоко... там... — в далях
небосвода...
И крылья ласточек коснулись тихо нас.

Bussy-en-Othe.

1943.

ПОДЪЕЗЖАЯ К ПСКОВУ...

Позлащены поля, и тени елок
Не омрачат мне долгого пути,
На речке легкий лед и тих, и ломок —
Мой жребий — по нему свой путь пройти.

Я перейду по льдам, едва замерзшим,
Легко ступая, лаской окрылен,
Пройду с улыбкой, сердцем неумерший,
На хрупком льду расслышу легкий звон.

Так вот она, граница вожделений
И русской песни вдалеке полет,
Во власти я раздумья легких звений —
Меня та песня встретит, обоймет.

Восходит солнце, землю озарило
И золото лучей рассыпало кругом...
Ноябрь... Но солнце ласкою покрыло
Возврат мой поздний в древний, отчий дом.

24 ноября 1943.

ПСКОВ

Под лаской зимних облаков,
Голубизны и перламутра,
Ты вновь предстал в блистанье утра,
Древнейший город русский Псков!
И куполов сиянье глав,
И взлет высокой колокольни —
Как в праздник радостный престольный,
Вдруг мне сверкнули здесь, восстав...
Восстав как призрак вещих снов,
России древней крест-виденье,
И в путь-дорогу осененые,
Полет непозабытых слов.
Тебе принес земной поклон,
Сын блудный твой, поэт и странник,
Пришел из стран чужих и дальних
Услышать благостный твой звон,
К потоку русских полных вод
Пришел, к реке твоей Великой,
К святой молитве в храме тихом —
Увидеть русский небосвод...
Стою у врат великих Царских,
Иконы дремлют в блеклых красках,
Стремится ввысь иконостас...
И мне сверкнул небесный луч,
И славлю Божию к нам милость,
Собора строгость, неподвижность —
Средь стольких бед и темных туч...

8 января 1944.

ВОЙНА

Третий русский сонет

Всеочистительной грозы промчится-ль гром,
В сколеблет-ли весны витающие звенья,
Потоком вод с небес развеет-ли он тени,
Всевластия беды, томящей нас кругом,

Иль ожиданье то всего лишь праздный сон,
И не дождемся мы и в мае упоенья
Грозой, несущей жизнь, не смерть, не разрушенье,
Благословляющей наш тихий мирный дом?

Вот он несется, вихрь иной слепой судьбы,
Разящий все вокруг огонь, сулящий мрак,
Невнемлющий слезам, неслышащий мольбы.

Ему равно ничто — и человек, и злак,
Поэта лиры звук и черни похвалибы...
Вот он гремит... Падет ненужной смерти знак!

Режица, близ линии фронта
1944.

ПАРИЖ

Забыть ли площадь мне у Сены,
Огней рассыпанных узор,
Парижских быстрых встреч измены,
Твой славы блеск, манящий взор?
Забыть ли набережных мне плиты
И отзвук их моим шагам,
Где пылию веков покрытый
Так неподвижен Нотр-Дам?

Париж, Париж! твои порталы
Дворцы и арки и мосты
Встречал в смятены я, бывало,
Лелея дерзкие мечты...
Твои сады, твои аллеи
И Елисейские поля,
Булонский лес твой зеленели,
Весной приветствуя меня.
Я лебедей твоих томленье
Любил встречать в прудах, их взлет,
На площадях ловить мгновенья,
Фонтанов легкий водомет,
Иль над потоком тихой Сены
Длить с Музой долгий разговор,
В смятены сердца петь поэмы,
Ведя с судьбою вечный спор...

Рига.
Сентябрь, 1944.

НАШ ЖРЕБИЙ

Из цикла «Святая Гавань»

Здесь чаек белых крылья под ветрами
С утра кружатся, целый день,
Они летели вслед за парусами,
Когда гналась за ними смерти тень.

Изведав горечи и гибели дорогу,
Мы не забудем здесь родимый кров,
И на чужбине, не забывши Волгу,
Не позабудем и степных ветров...

Несут нам ветры песни про свободу,
В простор зовут нас легкий, голубой,
Но нам ли, нам избыть свою невзгоду
И возвратить утраченный покой?

В полях чужбины, здесь у моря,
Бежав от царства адова границ,
В зеленой дали развеваем горе,
Внимая долгим крикам белых птиц.

Голштиния.

22 мая 1945.

ЛЕБЕДЬ

Сонет

**В осеннее ненастие июня
Как неприютно, холодно кругом!
Один лишь лебедь на пруду своем
Не дрогнет в медленном раздумье.**

**Пусть непогода буйствует безумней, —
В расцвете лета, знает он, что гром
Не сокрушит зеленый водоем,
И грезит о небесной он лагуне.**

**И он плывет всё так же безразличен
Ко всем изменениям безрассудных дней,
Внимая неумолчным песням птичьим,**

**И видит сон спокойней и светлей,
И в лебедином царственном величию
Лишь белоснежнее с мечтой своей.**

Иоганнисталь (Голштиния).
Июль, 1945.

ИЗ БРЕТОНСКОЙ РАПСОДИИ

Тристан Корбьеर († 1874)

На перекрестке у распятия
Мыччит там кто-то... человек?
Бормочет что-то об утрате:
Вот вытек глаз... почти ослеп...
То нищая поет, бродяга —
Всё перескажет за лиар:
Вот Магдалина с вестью блага...
Вот Вечный Жид... Вот Абеляр...
Поет, бормочет, задыхаясь,
Без перьев птица, без гнезда,
К кресту гранитному, скитаясь,
Дошла беда ее сюда.
Как звать ее? Она незванно
Пришла к нам в мир: то — нищета!
Пусть смерть настигнет невозбранно
В блужданьях где-то — не беда!
Поэт! Сестру свою ту встретив,
Ты из солдатского мешка
Возьми, подай, её приветив,
Щепотку в трубку табака.
Увидишь, как она с мольбою,
Всю боль в морщинах затая,
В проказе, темною рукою,
Крестя, благословит тебя...

Под Ганновером.
1946.

ТРОЙКА

Ты слышишь: там бубенчики звенят?
То тройка мчится по дороге.
Встречать с улыбкой выйдешь наугад,
И встретишь счастье на пороге...
Ты дверь пред ним широко распахнешь,
Как в сказке, всколыхнется сердце,
И в радости ты счастью поднесешь
Хлеб-соль, с узором полотенце!

Промчалась тройка мимо дома,
И колокольчик вдалеке,
А ты все с песней неуёмной
Идешь по миру налегке,
Под легкой ношею печали
Уж не замолкнешь на пути:
Пусть звоны тройки отзывались,
Но не без песни же идти?

Детмольд, 1947.

ДЕКАБРЬ 1947 ГОДА

1.

Так вот он, со звездой далекий путь!
Декабрь осыпал тихим белым цветом —
И упадая снег твердит:

«Забудь, забудь

Про все цветы — давно скрылось лето,
И верь волшебной лишь звезде своей,
Там, в снежной мгле, она сверкает.
Неистовой метели плен развей,
Звезда тебе одна в дали сияет,
И позабудь-забудь свою печаль,
Не растеряй свой ладан, мирру, злато,
Без страха шествуй со стихами в даль,
И не страшись в пути своем утраты,
Но если вдруг сразит жестокий рок,
И упадешь без сил на повороте,
Скажи с улыбкой всем, что вот не смог,
Противоборствовать лихой невзгоде.

Плохинген (под Штуттгартом).

2.

Ты к Неба светлому порогу
Меня призвал, благословив,
И посох мне вручил в дорогу,
Цветами лилий осенив.

**Коснулся ты чела устами,
И тронул вежды мне, светясь,
И тиховейными перстами
Меня твоя смирила власть.
Иду, но ветер, свирепея,
Несет жестокую мне весть —
Как беспощадно, лихо время,
Утрат погибельных не счасть!
Был тихий час... Вдруг крыльев взмахи —
Взметнулась стая мирных птиц...
Расправа ждет... Мое на плахе
Погибнет царство небылиц —
Ты видишь, я и смел, и стоек:
Всей правды пламенных поэм,
Всех поэтических построек
Не отдал я соблазну в плен...
Но если мрак навеет ветер,
Восстанут смерч и ураган,
О, в этот миг, в зловещий вечер,
Ко мне спустись, мой Ангел, сам,
Сними с меня всю тяжесть плена,
Земли, склонившись надо мной, —
Пусть на листы моей поэмы
Падет твой локон золотой!**

Kirchheim-Teck,
28. 12. 1947.

ЗИМА

Всё в нашей жизни чудеса,
Лишь с верой в чудо — счастье в жизни,
Цветут поля, шумят леса
Без жалобы, без укоризны,
И если здесь теперь невзгода
Так неотступно сторожит
Всё-ж верю: в жизни непогода
Мечты веселой не сразит...
Зима, зима! Чудесным снегом
Она засыпет поздний путь,
Последним царственным набегом
Заставит вечным сном заснуть,
Но в этот миг, я знаю, чудом
Вдруг беглый луч мне промелькнет,
И я поверю безрассудно
В мечты спасительный полет, —
И смолкну я под снегом белым,
Пусть снег кружится надо мной —
С улыбкой радостною смело
Засну под белой пеленой...

Мюнхен.
Октябрь, 1953.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЬНОМ КАМНЕ

СААДИ

Остерегись! На этом камне
Святые не черти слова...
Пройдут года, прочтут едва
Ту надпись — след истлевший, давний,
И сколько раз в чреде мятежной
Любой прохожий оскорбит тот текст,
Толкнет, бродя могил окрест,
Он надпись ту ногой небрежно...
Но всё-же, если хочешь камень
Сплетеньем мудрых слов овить,
Есть, есть слова, чтоб сохранить
Воспоминаний тихий пламень:

«Как он любил весной деревья,
«Их легкий радостный наряд,
«Шумящий лес, оживший сад,
«Весны зеленой дуновенья!
«Присядь-же, спутник, у могилы,
«Смотри вокруг — усталый взор
«Твой отдохнет... И трав узор
«Тебя овеет легокрылый!
«Мечты поэта и забавы
«Благословил и сам Аллах —
«И вот недвижный, легкий прах
Произрастил те травы...»

Париж, 1940.

ВСПОМИНАЯ О РИМЕ

В фонтанах взлет закованной стихии,
И Тибр, скучающий меж шумных берегов...
Века сменялись — добрые, лихие —
Гнетущих и раскованных оков.
Здесь мученичество свой крест воздвигло,
Гудела буйно в Колизее чернь,
И кровь была, и пиршства... — всё было,
Но вознеслась благой хоругви сень!
До смерти не забыть, о Рим, мне плена,
Завещанной тобою всем векам мечты —
На самом склоне лет не омрачит измена
Мой путь в цепях житейской суеты.
Есть грозный лик... *In Vincoli... San Pietro...*
Где гул цепей доныне не затих,
И взор пророка в молниях, под ветром
Гудящим — в буре творчества возник.
Он грозен, этот лик, и неотступно
К нему пришедшего в скитаньях сторожит —
Что-ж, пусть турист, рассеянный, беспутный
Веления его не различит!
Но вечности кара и упоенье
Неразлучимы с Римом никогда,
Здесь Микельанджело, томясь, в смятении
Узрел виденье Страшного суда!

Штарнбергское озеро.
10 ноября 1957.

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ СЮИТЫ

1.

Вы мнили, что величие свободы
Подавите убийственным расстрелом,
Когда в сердцах все эти годы
Она жила, таясь — не онемела...
Скряжущим и тяжким танкам
Не перейти границ венгерской воли,
Не заглушить сердец порыва боле
Украденным из мирной жизни знакам...
Ваш серп и молот? Миротворцев призрак,
Для всех, кто честен — знак обмана,
Всем орден палачей презренный низок,
Лишь вам одним потребен... Неустанно
Твердят рабы: «о, горе побежденным!»
Побеждены? О, нет — все дальше знамя
Несется ввысь над краем угнетенным:
Не победить, когда в сердцах лишь пламя,
Не победить порыв восставшей мысли,
Разоблачившей мишуре и лживость
Игры воров в подделке вечных чисел...
Разите же! Но с нами Божья милость...

2.

Хотите жизнь? Возьмите — вот она!
Но палачам не расстрелять свободы.
Осталась вера с нами лишь одна?
Давно она горит в сердцах — все годы!

**Палачество и ложь — вот ваш удел...
Разите же скорей, во имя Маркса,
В семнадцатом и Ленин ваш посмел
Убийство утвердить, как правду, в массах!**

**Мы нашу веру пронесем чрез мир,
Не все погибнем в ваших гекатомбах:
Торжествовал победы ветхий Рим
И христиане были в катакомбах...**

3.

**Они идут, как шли и мы когда-то,
Оставив позади свой разоренный дом,
Все бросили и верили в собрата:
Угроза та же всем: Гоморра и Содом!**

**И солнце меркнет грозно в небосводе,
Невзгодой потрясен жестокий мир —
Одни проклятья, стоны, клич к свободе
Несутся от пылающих руин!**

**«Советы»... танки... Скрежет и стенанье,
И призраки раскиданных гробов...
Земля объята пламенем восстанья:
Огонь в сердцах героев — не рабов!**

**Мюнхен-Гармиш.
Ноябрь 1956.**

NOTA

«Вспоминая о Риме...»

В базилике «Сан Пьетро ин Винколи» — Святого Петра в цепях — сохранились цепи, в которые был закован апостол Петр. Там же и «Моисей» Микельанджело. «Страшный суд» его же в Сикстинской капелле, в Ватикане.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«Венок» (Стихи 1937 — 1938 гг.). Париж.

«Отъезд в Венециуэлу» (поэма). 1939. Париж.

«Флоренция» (1956 — 1957). Мюнхен.

